

Ю.В. Яременко

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Публикуемая ниже незавершенная рукопись академика Ю.В. Яременко, основателя и главного редактора журнала «Проблемы прогнозирования» в 1990-1996 гг., относится к 1995г. В ней излагаются обосновываемые автором приоритеты целенаправленного преобразования структуры отечественной экономики исходя из анализа ее особенностей. В современных условиях, когда задачи перестройки структуры экономики продолжают оставаться нерешенными, основные мысли автора сохраняют свою актуальность и воспринимаются с интересом.*

Рост национального производства является в любой стране итогом действия множества экономических, социальных и политических факторов. Действие этих факторов в конечном итоге реализуется в увеличении количества ресурсов, вовлекаемых в производство, и повышении эффективности их использования в результате технических нововведений.

Общие социальные и политические предпосылки экономического роста выражаются в национальных приоритетах, следуют из того выбора, который сделала нация. Если страна заинтересована прежде всего в наращивании своей военной мощи, то экономический рост не является повсеместным явлением, он происходит за счет концентрации ресурсов на отдельных участках народного хозяйства. Это позволяет решить поставленные задачи, однако с ущербом как для эффективности экономики, так и для социальной справедливости. В модели либеральной экономики с относительно меньшими масштабами централизованной концентрации ресурсов эффективность их использования существенно выше, социальная справедливость ущемляется, но не за счет целевой ориентации в движении ресурсов, а по мотивам рентабельности и эффективности. Наконец, мыслима социально-ориентированная экономика, где достигается оптимум в распределении ресурсов; эффективность и рентабельность их использования не абсолютизируются в ущерб социальной справедливости, при этом сохраняется умеренная социальная дифференциация, обусловленная требованиями эффективности.

Имеющийся опыт, прежде всего пример Германии и Японии, говорит о том, что страны, живущие по второй модели, не обремененные подобно США, а тем более СССР в прошлом, высокими военными расходами, добиваются наилучших показателей экономического роста.

Надо заметить, что социальный и политический выбор никогда не бывает однозначным. Применительно к нашей стране в прошлом это, в частности, выразилось в том, что она жила не только по законам первой модели, но одновременно пыталась реализовать принципы третьего варианта экономического развития. Мобилизация ресурсов, по крайней мере для некоторой части экономики, сопровождалась государственным патернализмом, уравнительными акциями.

Общие предпосылки экономического роста определяются не только социально-политическим выбором, но и целым рядом других условий.

Прежде всего в этой связи нужно сказать о ресурсном потенциале экономики. Наличие или отсутствие потенциала массовых ресурсов: малоквалифицированной

* Подготовка рукописи к публикации Г.А. Яременко.

рабочей силы, земли, природных ископаемых, если исключить чисто географический фактор, в первую очередь зависит от того реального исторического времени, в котором живет страна. В мировую экономику сейчас входят как те страны, которые уже прошли этап индустриализации, так и те, значительная часть экономики которых – это традиционные секторы с крайне неэффективным производством. Ресурсный потенциал этих стран – это потенциал возможного перемещения ресурсов в современные секторы экономики. Если Россия к настоящему времени уже исчерпала все свои возможности в извлечении ресурсов из традиционной экономики, то в Китае этот процесс еще далеко не завершен.

Еще более важное значение, чем потенциал массовых ресурсов, имеет то относительное место в мире, которое занимает та или иная страна в создании новых технологий и производстве новых видов продуктов. Уже занятые ранее позиции в мировом разделении труда, технологическое лидерство постоянно воссоздают сами себя. В каком-то смысле правы те экономисты, которые считают, что в современном мире бедные бедны, потому что они бедны, а богатые богаты, потому что они уже раньше располагали богатством.

Технологическое лидерство дает безусловные преимущества, связанные с относительно высокой по сравнению с издержками долей добавленной стоимости, имеющей место на первых этапах жизненного цикла новой технологии и нового изделия. Относительно высокие объемы добавленной стоимости (т.е. возможность не только получать высокую прибыль, но и платить работникам высокую зарплату) связаны с ценовыми преимуществами первых партий новых товаров, продаж лицензий и оборудования для выпуска новых изделий. Страны, которые подключаются к выпуску новых изделий и овладению новыми технологиями на завершающем этапе их жизненного цикла, могут иметь уже больший объем выпуска, но значительно меньший объем вклада в национальный продукт. Технологическое первенство самым непосредственным образом трансформируется в экономический рост и является чрезвычайно важным монополизированным ресурсом экономического роста в современном мире.

Из сказанного следует, что ресурсной предпосылкой экономического роста является не приобщение к новым технологиям как таковое, а технологическое лидерство, разумеется, не во всех, но хотя бы в некоторых важных направлениях. Если страна не нашла таких технологических ниш, то она вынуждена идти в арьергарде овладения новыми технологиями и довольствоваться относительно меньшим объемом добавленной стоимости.

Увеличение масштабов вовлекаемых в производство ресурсов по-разному сказывается на потоках и запасах. С точки зрения увеличения потоков и запасов, экономический рост может рассматриваться как процесс, итогом которого является не только рост национального продукта, но и рост национального богатства. Увеличение национального продукта, с одной стороны, сопровождается приращением национального богатства: растут производственные мощности, города, но, с другой – ухудшается среда обитания – растительный покров, вода, воздух. Расширение тех или иных видов производства может нанести ущерб здоровью нации. Результирующие потоки, пополняющие национальное богатство, могут возрастать все больше и больше, но при этом масштабы потерь могут приводить к тому, что размеры национального богатства, понимаемого достаточно широко (включая среду обитания, человеческий потенциал, рекреационные возможности, национальные ландшафты и т.д.), будут убывать. Измеряя национальную экономику в соответствии с концепцией потоков, мы обнаруживаем рост. Однако существуют опа-

сения, что если бы была достаточно развита измерительная концепция запасов, мы получили бы в ряде случаев не рост, а снижение.

Сегодня в соответствии с принятой традицией и имеющимися статистическими возможностями мы живем в мире потоков. Взгляд с позиции национальных запасов может поменять картину. Это существенная оговорка, которую следует иметь в виду, постоянно сознавая всю относительность понятий экономического роста, которыми мы пользуемся.

Последнее замечание касается того, что экономический рост не является абсолютной ценностью экономической политики. Экономическая стабильность, полное использование уже ранее вовлеченных в производство ресурсов являются важными и при определенных обстоятельствах, на относительно коротких отрезках времени, конкурирующими целями. В среднесрочной же и долгосрочной перспективе итоги текущей политики, направленной на создание стабильной и уравновешенной экономики, полное использование задействованных ресурсов можно рассматривать как необходимую предпосылку устойчивого экономического роста.

* * *

Главная цель структурной политики в настоящее время – это предупреждение долгосрочной разбалансированности экономики. Именно такая опасность сейчас нависла над народным хозяйством Российской Федерации. Пережив период хаотического спада, мы входим в полосу хронических дисбалансов, что является естественным результатом недопустимо длительной инвестиционной паузы, необратимых негативных сдвигов в производственном потенциале отдельных отраслей. Состояние хронической разбалансированности означает, что в производственной системе страны появляются невосполнимые структурные провалы, за которые она в течение длительного времени будет расплачиваться ограниченными возможностями экономического роста.

Структурное и технологическое неравновесие было постоянным свойством советской экономики. Инвестиционные перегрузки, избыточные затраты первичных ресурсов были прежде всего следствием большого удельного веса низких и средних технологий в гражданском секторе народного хозяйства. Зоны технологических провалов обусловили высокую потребность в сырье, энергии. Сформировался особый механизм поддержания равновесия: особая роль сырьевых отраслей; расточительный путь формирования отраслевой структуры без межотраслевой конкуренции, без свободного возникновения и выбытия фирм. Отказ от этого способа воссоздания отраслевых пропорций – главная причина необходимости перехода к рынку. Поддержание макроравновесия через Госплан исчерпало себя. Переход к рынку обусловлен назревшей необходимостью замены рукотворного поддержания равновесия более гибкими способами. Аргументы, сводящиеся к ущемлению самостоятельности предприятия, – вторичны. Его неэффективность – следствие некоторой народнохозяйственной диспозиции.

Изменение отпускных цен, падение спроса, автономизация сырьевых отраслей разрушила прежний механизм поддержания равновесия, эти отрасли уже не выполняют балансирующей функции. Новое структурное неравновесие – другого рода.

Ограничения со стороны внутреннего предложения, на которые неизбежно натолкнется любое восстановление подавленного сейчас спроса, даже при самой высокой нагрузке на сырьевой сектор не смогут быть компенсированы импортом. При неизбежном в таком случае увеличении инвестиционного бремени нельзя не

ожидать одновременно крупных деформаций в инвестиционной и потребительской сфере. Эти деформации должны принять вид как количественных дефицитов, неоправданных локальных вздутий цен, так и качественной деградации.

Высказывается мнение, что основная структурная опасность сейчас – это приобретение страной сырьевого профиля. Это так, пока речь идет о сузившейся экономике. Что же касается экономики, возвращающейся к прежним объемным рубежам, то в обновлении такой экономики у нас нет возможностей для долгосрочной сырьевой ориентации. Попытка пойти по этому пути связана с появлением хронических дисбалансов и долгосрочной экономической стагнацией.

Существуют временные и ресурсные ограничения в отношении возможностей компенсации внутренних производственных потерь за счет внешних связей. Даже при умеренном росте капиталоемкости добычи сырья возможные масштабы наращивания сырьевого экспорта – величина, несоразмерная с наблюдаемыми потерями в потенциале обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве. Даже удвоенный рост нефтедобычи означает приращение экспортных ресурсов на реально недостижимую величину в 40 млрд. долл., тогда как только возвращение к старым, малодейственным с точки зрения трудовых мотиваций потребительским стандартам требует сейчас приращения фонда потребления (тоже в долларовом выражении) на 240 млрд. долл. Приближение же потребительских стандартов к уровню минимальной современной воспроизводственной значимости, к минимальным требованиям дееспособной экономики означает приращение на величину 500-550 млрд. долл. Это не столь уж гомерическая величина (национальный продукт США сейчас составляет 6300 млрд. долл.), однако по сравнению с масштабом возможных приращений от сырьевого экспорта – это слишком много.

* * *

В условиях спада производства структура экономики адаптируется к чрезвычайным экономическим обстоятельствам. Она адекватна условиям сжатия производства, резкого снижения инвестиционного спроса и падения уровня жизни. В условиях оживления экономики, а тем более ее подъема застывшие структурные деформации становятся непреодолимым препятствием для возобновления экономического роста.

Вопреки распространенным представлениям, что снижение производства сопряжено со структурным оздоровлением, те масштабы падения производства, которыми отмечены события последних лет в российской экономике, в будущем неизбежно будут иметь своим последствием не оздоровление, а деградацию народного хозяйства. Дело в том, что сжатие экономики имеет свои законы, действие наблюдаемых стихийных процессов имеет свои границы. Неравномерность снижения производства в разных отраслях не носит случайного характера. Сейчас относительно меньшие размеры снижения производства в добывающих отраслях создают возможность поддерживать стабилизационные механизмы, позволяющие в той или иной степени смягчать последствия резкого сброса выпуска в отраслях ВПК, инвестиционного и потребительского комплексов. Сузившийся конечный спрос и его ресурсное обеспечение обрели новые формы сопряженности. Возвращение к старым формам, свойственным ситуации экономического роста, при отсутствии восстановительного потенциала потребует очень больших усилий. Затраты на сохранение уже имеющегося производственного потенциала, безусловно, окажутся

многократно меньшими, чем те, которые потребуются при формировании отраслевых пропорций, адекватных вновь начинающемуся росту производства.

Рассмотрим условия и обстоятельства, сопутствующие спаду в комплексе традиционных промышленных потребительских товаров. Очевидно, что сокращение производства продовольственных и непродовольственных промышленных товаров – не только составная часть общего спада производства, но и прямое следствие этого спада. Сокращение национального производства всегда высвобождает первичные ресурсы и побуждает к их экспорту даже по заниженным ценам. Снижение внутреннего потребления первичных материальных ресурсов и их нарастающий экспорт – очевидные предпосылки увеличивающихся региональных закупок потребительских товаров и общенациональных акций по их импорту. Деградация легкой и пищевой промышленности – это, таким образом, неизбежный эффект, порождаемый общим спадом производства.

Вообразим теперь некую ситуацию общего производственного подъема, включая расширение энергоемкого, ресурсоемкого инвестиционного потенциала. Внутренний спрос, например, на энергоресурсы может опережать начавшийся рост энергопроизводства, потребуется сокращение экспорта, но его сокращение повлечет за собой ограничение возможностей ввоза потребительских товаров. Если производственный аппарат потребительского сектора, включая производственные мощности, квалифицированные кадры, определенные научные заделы, не разрушен, то при общей благоприятной конъюнктуре производство в данной группе отраслей постепенно восстанавливается, снижается нагрузка на их импорт, уменьшается настоятельность экспорта энергоресурсов, создается благоприятная возможность для расширения их внутреннего потребления, устраняются препятствия для общего экономического роста.

В противном случае, при разрушении производственного аппарата потребительского сектора, наращивание выпуска потребительских товаров сталкивается с большими затруднениями, сохраняется потребность в их импорте, экспорте энергоресурсов, ограничивающем их внутреннее потребление, сдерживается общий экономический подъем. Структурные ограничения в области потребительского сектора становятся фактором, сдерживающим общий экономический рост.

Могут быть высказаны возражения, состоящие в том, что ввозимые зарубежные товары дешевы, их дешевизна сокращает объем необходимого экспорта энергоресурсов и в целом дополнительное приращение производства для экспортных целей будет более выгодным, чем осуществление затрат по сохранению производственного потенциала потребительских отраслей. Это, конечно, не так, поскольку затраты на поддержание некапиталоемких отраслей не могут быть выше затрат на развитие производств с высокой и быстро растущей капиталоемкостью. Остается учет временного разрыва. Сегодня, мол, деньги дороги, завтра будут дешевле, поэтому все же целесообразнее отказаться от сегодняшних затрат, требующих дорогих денег, и полагаться на будущее. Этот вывод, однако, несостоятелен по той причине, что будущие приращения в сырьевых секторах невозможны (в силу нормальных инвестиционных запаздываний) без сегодняшних вложений все тех же дорогих денег, но опять в значительно большем объеме, чем необходимые затраты по сохранению производственного потенциала потребительского сектора.

Итак, применительно к затронутой области существуют достаточно сильные аргументы в пользу структурной политики, направленной именно на предотвращение разбалансированности производства. Селективная структурная политика эффективна лишь на фоне структурной политики, направленной на сдерживание

спада и сохранение производственного потенциала в потребительском секторе. Сокращая объемы внутреннего производства промышленных потребительских товаров за счет недостаточно эффективных подразделений и предприятий данного сектора, не компенсируя это сокращение увеличением выпуска конкурентоспособных изделий внутри страны, мы тем самым делаем ставку на рост инвестиций в сырьевой сектор. Банкротство предприятий легкой и пищевой промышленности на базе анализа той или иной микроситуации может иметь своим результатом деформацию на макроуровне.

* * *

Рассуждая о месте России в мире, мы пользуемся понятиями: национальные интересы, национальные экономические интересы, национальная экономическая политика. Однако в настоящее время и в ближайшем будущем правомерность использования таких понятий проблематична.

Дело в том, что национальные экономические интересы, национальная экономическая политика – это не просто благопожелания некой группы государственных чиновников, сегодня это может быть только выражение интересов российских производителей. Речь не идет об обязательной тождественности интересов всех и вся, но о существовании некоторого достаточно значительного пересечения интересов, которое и может быть положено в основу единой экономической политики. Сейчас наличие такой тождественности интересов может быть поставлено под сомнение. Дело в том, что у нас имеет место не просто спад производства, но и расчленение единого народнохозяйственного комплекса.

В прошлом деятельность каждой отрасли и ведомства имела определенный функциональный смысл в общей системе производства. Так, топливно-энергетические отрасли выполняли в существенной мере компенсационную функцию в связи с обилием низких и средних технологий, а обилие последних было обратной стороной концентрации высоких технологий в «оборонке».

Статус и приоритет того же Газпрома в условиях автаркии и отгороженности от мирового рынка был невысок. Качество инвестиционных ресурсов по некоторой условной шкале составляло 1/3 от наивысшего уровня.

Сейчас сырьевые отрасли обрели самодостаточность и имеют автономные интересы. Сильные позиции этих отраслей в условиях дефицита инвестиционного спроса приводят к тому, что именно они становятся центром экономического притяжения. Однако добывающие отрасли – это не тот мотор, который может привести в движение всю экономику. С одной стороны, потолок количественного их роста очень невысок, предельные масштабы роста сырьевых отраслей несоразмерны с масштабами экономики, потребительским стандартом населения. Мы не можем жить за счет сырья. С другой – качественная бедность инвестиционного спроса добывающих отраслей очевидна.

Ориентация на сырьевой сектор означает, во-первых, застой экономики, низкий потолок для развития, тесные границы для роста экономики; во-вторых, ее распадение, анклавизацию. Сырьевой сектор как центр притяжения сырьевых отраслей чрезвычайно сужает инвестиционную ориентацию, делает ненужными целые машиностроительные отрасли, выживают лишь те, что ориентированы на внешний рынок.

Анклавизированная экономика включает в себя:

– автономные, самодостаточные сырьевые секторы, для которых пространство расширения находится за пределами национальной экономики,

– предприятия обрабатывающей промышленности, не связанные в единый комплекс, а обособленно примыкающие к внешнему миру,

– научные разработки, находящие сбыт за рубежом.

Экономическое пространство, выходящее за пределы ориентированных вовне анклавов, будет являть собой рынок с трудно устранимой патологией. Это будет рынок, наполненный локальными автаркическими образованиями (белые пятна на рыночном пространстве), неблагоприятной средой для развития мелких предприятий, деградирующим сельским хозяйством. Последствия анклавизации – отсутствие единых национальных экономических интересов; частные экономические интересы не имеют единого вектора.

Что касается обрабатывающей промышленности, то сегодня относительно благоденствуют две категории: нашедшие нишу на Западе и те, кто обслуживает инвестиционный спрос банковско-торговой сферы. Деятельность первых становится как бы продолжением мировой экономики на российской территории. Российская экономика с помощью этих предприятий не взаимодействует с мировым хозяйством, а служит лишь плацдармом для реализации внешних интересов. Во втором случае используется энергия распада и прибыли тех, кто накапливал ресурсы за счет инфляционного налога, перераспределения основного в оборотный капитал.

В целом можно говорить о анклавизации российской экономики, т.е. о наличии отдельных очагов процветания или благополучия на общем фоне экономической деградации. Анклавизированная экономика может быть представлена механической суммой интересов, но не какой-то политикой, воплощающей в себе их органический синтез.

* * *

Промышленное производство России распадается на три части: продвинутые технологии («оборонка»), производство оборудования для энергетической и транспортной инфраструктуры, массовое производство техники низкого технологического уровня. Первая часть экономики в настоящее время неизбежно пойдет по пути анклавизации. Но это не может быть масштабным ввиду ограниченности прямого применения оборонных технологий в гражданской промышленности.

Технологическая сопряженность (комплементарность) – важный фактор, диктующий необходимость умеренной автаркии. Опыт СССР, Китая, развивающихся стран свидетельствует о том, что скачки в техническом уровне отдельных предприятий и отраслей так же опасны, как и отставание. Продвинутые предприятия попадают в некую «едкую» для себя технологическую среду, которая обесценивает их относительные преимущества.

Технологическая сбалансированность – это недопустимость не только отставания, вызывающего структурное неравновесие, но и избыточных затрат, по существу порождающих через внешнюю торговлю (импорт техники – экспорт сырья) те же нагрузки, что и задержки в техническом развитии. Отсюда – высокая эффективность самообеспечения либо же формирование экономических связей с близкими по технологическим характеристикам партнерами.

Анклавизация народного хозяйства как вычленение из экономики некоторых ее продвинутых элементов – альтернатива технологически одноуровневой целостной экономике, для которой характерна умеренная автаркия. Технически продвинутое предприятие, сильно возвышающееся над сложившейся технологической средой, воспроизводится исключительно за счет своих связей с Западом. Продукция экс-

портируется, импортируется оборудование, создаются разного рода фильтры, нейтрализующие тяжелые влияния окружающей среды. Это – в некотором роде уже не часть национальной экономики, а отросток мирового хозяйства. Следствием этого становятся потери: технологическая несопряженность при работе на внутренний рынок, капвложения, связанные с импортозамещением (внутреннее производство приравнивается к импорту), создание параллельных производств. Структурные изменения в этом случае определяются внешними факторами, частными конъюнктурными воздействиями.

Другим фактором анклавизации, помимо распавшихся принципов разделения труда, распределения народнохозяйственных функций между отраслями и ведомствами, является тенденция изоляции от деятельности ущербного рынка.

Теория трансакционных издержек гласит: если издержки рыночных взаимодействий велики, то существует тенденция перемещения этих взаимодействий внутрь фирмы. Теория фирмы, объясняемая соотношением уровня внутренних и внешних издержек, проливает свет на создание ФПГ (финансово-промышленных групп) и тому подобных образований.

Наконец, фактор территориальный: изоляция территорий способствует углублению анклавизации.

Чтобы экономика России стала единым целым и можно было говорить о единых экономических интересах, следует не просто ориентироваться на рыночную селекцию (она тоже важна), а создать ценовые и налоговые условия для подъема целых отраслей, включая сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, жилищное строительство.

Возобновление широкого инвестиционного спроса будет означать действительное сочленение отдельных групп отраслей, и тогда можно будет говорить о национальных интересах и национальной экономической политике.

* * *

Общие выводы из анализа данных о структуре экономики состоят в следующем.

Существующие перепады в техническом уровне могли возникнуть только в экономике, где межотраслевая конкуренция отсутствовала и где распределение ресурсов между отраслями осуществлялось в результате а) административного назначения особых приоритетов и б) плановой реализации некоего механизма поддержания равновесия, точнее преодоления неравновесия, порожденного принятой системой приоритетов. Для такой перенапряженной приоритетами экономической системы были характерны высокие затраты ресурсов, связанные с поддержанием сбалансированности.

Требование перехода к рынку включает поэтому не только создание среды, в которой повышается дееспособность отдельных предприятий, но и условий для конкуренции между отдельными отраслями. Последнее условие, однако, может быть реализовано только в том случае, когда экономика обретет рыночные ориентиры, по крайней мере, лишь после того, как она освободится от внеэкономического пресса. Переход к механизму межотраслевой конкуренции – сильный, может быть, главный мотив рыночных реформ, поскольку сложившийся механизм поддержания равновесия создавал непомерную нагрузку на экономику. Безусловно, неэффективность предприятий вторичнее по отношению к неэффективным способам достижения народнохозяйственного равновесия. В этом смысле рынок как

цель встал в повестку дня как некий способ достижения структурного равновесия. Прежний способ исчерпал себя. Он вызвал тяжелый кризис.

Однако структурно сформированная в условиях отсутствия межотраслевых конкуренций экономика не могла быть отдана на произвол стихийному течению событий по двум причинам: а) существуя в условиях искусственного поддержания структурного равновесия, она сразу не сможет обрести какую-либо ему замену и просто сломается, особенно в части инвестиционных связей; б) целый набор ущербных отраслей, долгое время сознательно ущемляемых, не должен был быть отдан на съедение внешнему рынку.

В экономике с нашими свойствами энергетические отрасли не могут жить сами по себе. У них особая функциональная роль. Должны быть институциональные механизмы, с помощью которых эта роль реализуется. Должны быть обеспечены гарантии поставок на внутренний рынок по приемлемым для отраслей с низкими технологиями ценам, таким ценам, которые позволили бы восстановить платежеспособность обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Мы равны сами себе, и иначе мы жить не можем. Единственно возможный способ функционирования экономики со структурными перекосами и достижения сопряженности – подъем обрабатывающей промышленности, восстановление приемлемых показателей национального производства.

Таким образом, *первый* структурный приоритет – это восстановление поддерживающих функций добывающей промышленности в экономике, что позволит создать потребительский и инвестиционный спрос, и подъем на этой основе обрабатывающей промышленности. Эти меры нуждаются в институциональном оформлении. Речь идет о какой-то форме национализации сырьевых отраслей, монополии внешней торговли, экспортных тарифах.

Второй приоритет – модернизация производственного аппарата, насыщенного низкими технологиями (заводов сельскохозяйственного и транспортного машиностроения – селекция здесь, а не на «Рыбинских моторах»).

Третий – по логике действий, а не по значимости – восстановление технологического ядра обрабатывающей промышленности.

Четвертый – материальное обеспечение национального потребительского стандарта.